

Иоанн Кронштадтский

**Из дневника о Иоанна
Кронштадтского в обличение
лжеучения графа Л. Толстого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К83

К83 **Кронштадтский И.**
Из дневника оИоанна Кронштадтского в обличение лжеучения графа Л. Тол-
стого / Иоанн Кронштадтский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 41 с.

ISBN 978-5-519-87213-3

ISBN 978-5-519-87213-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

пойдете, вы съ презрѣніемъ оттолкнете насъ, вы не можете быть намъ преданы, ибо мы преподаемъ ученіе «не отъ міра сего», не отъ вашей мудрости.

*
* *
*

«Къ кому идемъ?» спрашиваетъ себя Петръ съ прочими Апостолами. «Гы имѣешь глаголы жизни вѣчной (Іоан. 6, 68). Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идехомъ—что же будетъ намъ?»— (Мо. 19, 27). Господь обѣщаль имъ пакы-бытіе и вѣчную славу и власть судить всѣ племена Израилевы (Мо. 19, 28). Толстовцы! куда же вы идете съ графомъ Толстымъ, своимъ учителемъ? Есть ли у него слова жизни? Не слова-ли безумія, невѣрія, хуленія, проклятія и смерти? Что же вамъ будетъ въ концѣ концовъ? Вѣчное проклятіе и погибель! Толстой въ своихъ дерзкихъ писаніяхъ мечтаетъ поразить христіанство и христіанъ, свести къ ничтожеству своимъ дерзкимъ отрицаніемъ и насмѣшками—содержимое вотъ уже почти XX вѣковъ св. вселенскою Церковью христіанство, которое прославлено отъ Бога вѣчною неувядаемою славою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но онъ самъ себя бьетъ смертельно и своихъ послѣдователей, ибо лишилъ себя и ихъ; ибо, по отверженіи Спасителя, еретикамъ этимъ не остается болѣе жертвы за грѣхъ, но нѣкое страшное чаяніе суда и ревность огня, хотящаго поглотить противниковъ (Евр. 10, 27). Думаютъ ли объ этомъ разгордѣвшіеся толстовцы?—«Мнѣ отмщеніе»,—говоритъ Господь, «Я воздамъ». (Рим. 12, 19).

О, Христе Боже, доколѣ Левъ Толстой будетъ ругаться надъ Тобою и Церковью Твоею? Доколѣ будетъ соблазнять Россію и Европу? Опять онъ пишетъ хулы на Церковь и служителей ея, опять клеветаетъ на насъ всему міру!—Покажи, наконецъ, Владыко, всему міру адскую злобу его! Буди! Имъ увлечено въ прелесть и пагубу поль-свѣта.—О, претеча антихриста!

* * *

Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Львѣ Толстомъ? А я вотъ что думаю и говорю: онъ объявилъ войну Церкви православной и всему христіанству. И какъ денница и сатана отторгнулъ своимъ хребтомъ третью часть звѣздъ небесныхъ, т. е. ангеловъ, и сдѣлалъ ихъ единомышленниками съ собою, такъ нашъ Левъ, сынъ противленія, носящій въ себѣ духъ его, своимъ «рыканіемъ и хвостомъ» (Откр. 12, 4) отторгъ тоже едва-ли не третью часть русской интеллигенціи, особенно изъ юношества, въ слѣдъ себя, въ слѣдъ своего безбожнаго ученія, своего безвѣрія.—Его безбожныя печатныя сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ.

Развѣ собираютъ съ терновника виноградъ и съ тернія смоквы? По плодамъ ихъ познаете ихъ, говоритъ Господь (Лук. 6, 44). Терновникъ Россіи и всего христіанскаго міра есть русскій графъ Толстой, бывшій романистъ, а потомъ самозванецъ-богословъ, ни мало не смыслящій въ богословіи, нарядившійся въ одежду мужика, чтобы вдоволь насмѣяться надъ вѣрою его и Россіи и удобнѣе привлечь и русскаго ли или иностранца недалековиднаго на свою сторону, къ образу своихъ мыслей, и удобнѣе излить свой сретическій ядъ въ души ихъ.

Есть-ли какой отецъ, говоритъ Господь въ примѣрѣ, который, когда сынъ его попроситъ рыбы, подалъ бы ему скорпію (Мф. 7, 9)—Толстой именно это и дѣлаетъ. Онъ подноситъ змѣю вмѣсто рыбы и своему семейству, и всей Россіи, и христіанамъ всѣхъ странъ и языковъ. Онъ хочетъ вырвать у всѣхъ вѣру въ Спасителя, вѣру въ Троицу, въ Церковь и во всѣ спасительныя истины, въ которыя вѣровать научила насъ св. Церковь, и безъ которыхъ невозможно жить ни одному здравомыслящему человѣку.

Такъ, по выпущенной Львомъ Толстымъ (въ Лондонѣ) въ началѣ ноября 1902 г. безбожной статьѣ, озаглавленной: «Обращеніе къ духовенству», виденъ истый русскій романистъ, способный писать только романы съ мѣткимъ

анализомъ обыденной людской жизни и страстей человѣческихъ; но въ то же время до мозга костей пропитанный самолюбіемъ и гордостію, барскою спѣсью и ненавистію ко всему, что носитъ печать вѣры во Христа и въ Церковь, съ діавольскою злобою къ духовенству. Все сочиненіе состоитъ изъ предвзятыхъ ложныхъ мнѣній о духовенствѣ и его дѣятельности. Толстой хочетъ разрушить вѣру во все святое, таинственное, въ то, чѣмъ человѣкъ живетъ, спасается, утѣшается, укрѣпляется духомъ и тѣломъ; все, что носитъ печать истины непреложной:—вѣру въ Бога Троичнаго, въ сотвореніе міра, въ искупленіе человечества Сыномъ Божіимъ,—все это отвергаетъ, какъ сказку, подвергаетъ осмѣянію и хочетъ всѣ христіанскіе догматы переименовать по своему, вѣрить только въ свой умъ, себѣ одному приписываетъ открытіе истины и себя только признаетъ истиннымъ учителемъ. Но, увы, всѣ положенія у него ложны, а потому ложны и всѣ заключенія.

* * *

Толстой думаетъ, говоритъ и пишетъ на почвѣ безбожія и полного отрицанія всего того святого, что носитъ въ себѣ печать богооткровенности; гордость, самолюбіе, самообожаніе, презрѣніе къ Самому Богу и Церкви,—вотъ его первооснова; другого основанія у него нѣтъ. Предъ нами—софистъ, и несвѣдующихъ въ истинахъ вѣры, не испытавшихъ на себѣ спасительности вѣры Христовой легко можетъ онъ отвлечь отъ истинной вѣры и ввести въ пагубное невѣріе.

Въ оклеветаніи Церкви Толстой хочетъ найти себѣ самооправданіе, похвалу, какъ истого героя правды,—и хочетъ всѣхъ отвлечь отъ Церкви, какъ сатана отторгъ отъ Бога трехъ ангеловъ. Прежде чѣмъ писать опроверженіе на это сочиненіе Толстого, нужно знать (проанализировать) то состояніе души Толстого, въ которомъ онъ пишетъ свою завѣdomую ложь, которой онъ усиливается придать видъ истины.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ отлученія отъ Церкви онъ рѣшился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, все богослуженіе, всѣ таинства и особенно духовенство всѣхъ церквей. Толстой, исказивъ смыслъ Евангелія, искажилъ смыслъ Ветхаго Завѣта и искаженные событія передать въ насмѣшливомъ тонѣ, подрывая въ читающихъ всякое уваженіе къ святому писанію; надъ всѣмъ, что дорого для христіанина, на что онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства съ глубокимъ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Слово Божіе, онъ дерзко насмѣхается.

Толстой переноситъ свои поруганія на духовенство, на Церковь, на св. Писаніе В. и Н. Завѣта и на Самого Господа, и говоритъ: была-ли такая вредная книга въ мірѣ, надѣлавшая столько зла, какъ книга В. и Н. Завѣтовъ... Это прямо относится къ толстовскимъ сочиненіямъ, не было вреднѣе ихъ; Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры, — ничто въ сравненіи съ нашимъ безбожнымъ россіяниномъ Толстымъ. Написанное Толстымъ въ «Обращеніи» — съ точки зрѣнія христіанской — одно безуміе.

* * *

Можно-ли говорить съ человѣкомъ умопомѣшаннымъ, потерявшимъ здравый смыслъ, здравую вѣру, отрицающимъ общепризнанную живую и животворную истину, отрицающимъ, что А есть А, или — дважды два четыре, не признающимъ Альфы и Омеги, — съ человѣкомъ, признающимъ разумъ человѣческій, отуманенный и извращенный грѣхомъ, за исходную точку вѣры и познанія? Невозможно! Таковъ именно и есть графъ Левъ Толстой, отвергающій откровенное Слово Божіе — Библію и Евангеліе и свой близорукой извращенный разумъ ставящій исходною точкою всѣхъ знаній, высшимъ Библию и Евангелія, Библию и Евангеліе считающій за сказку, какъ и житія святыхъ.

Толстой въ области религіи показывалъ всю свою умственную тупость, все свое пресмыкательство по землѣ,

всю умственную мелочность, не могущую подняться ни мало на высоту религіознаго созерцанія. «Аще не увѣруете, ниже имате разумѣти», говоритъ Господь. Толстой, отвергнувшій вѣру въ Откровеніе, въ Бога, дѣйствительно, лишился возможности разумѣть дѣла Божіей премудрости.

Какъ могъ Левъ Толстой написать свое послѣднее грязное сочиненіе противъ истинной, святой, апостольской, спасительной, богопрославленной неисчетными знаменіями и чудесами, и доселѣ прославляемой отъ Него Церкви? Да,—могъ, но только при совершенной потерѣ христіанской совѣсти.

Въ сочиненіи Толстого «Обращеніе къ духовенству»—все ложь и клевета беззастѣнчивая, наглая, и изъ основныхъ ложныхъ положеній, какъ уже говорилъ, выводятся у него ложныя заключенія; словомъ, въ сочиненіи Толстого истина извращена, высочайшіе догматы, непрекдаемые, спасительные, представлены въ тонѣ насмѣшливомъ, ироническомъ; Толстой не вѣритъ въ истины, открытыя Самимъ Богомъ и необходимыя для спасенія всякаго человѣка, а вѣритъ только въ человѣческій разумъ и въ совершенствованіе человѣка собственными силами, безъ благодати Божіей.

* * *

Надобно, чтобы всякій, даже не вѣрующій во Христа и Св. Троицу и въ таинства христіанской вѣры, обращался съ лицами и предметами вѣры честно потому, что вѣра есть сердечное, драгоцѣнное сокровище безчисленнаго множества людей всякаго языка, націй, всякаго званія и состоянія, а не по свински, какъ Левъ Толстой, и кто изъ христіанъ равнодушно относится къ тому, кто хулитъ Христа, или Св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всѣхъ вѣковъ, всякихъ націй, званія и состоянія,—тотъ недостойнъ званія человѣка, а таковъ именно Толстой и толстовцы, обращающіеся по свински съ неоцѣненнымъ, дражайшимъ Именемъ Господа Иисуса Христа, Св. Троицы, Богоматери, и съ досточтимыми Ихъ изобра-

женіями и всѣхъ Святыхъ. Скажетъ кто-нибудь, что печатно ругать человѣка, которому дана свобода слова и печати и который пишетъ и печатаетъ, что придетъ ему на умъ, неприлично и не слѣдуетъ. А я спрошу и Толстого и его клеветовъ: поносить высочайшія Имена Троицы, Христа, Богородицы и Святыхъ, Св. Чудотворныя иконы и мощи и соблазнять народъ православный и не православный,—по вашему можно? Да, какому бы наказанію по закону долженъ подлежать и богохульный языкъ Толстого и его рука, пишущая богохульные слова? По писанію: кто чѣмъ согрѣшаетъ, тотъ тѣмъ и мучится. Толстой же безнаказанно богохульствуетъ, да еще и чтится, какъ старецъ знаменитый, какъ великій писатель, какъ родовитый графъ, и Львомъ Николаевичемъ зовется; какой онъ Левъ Николаевичъ? Онъ имени христіанскаго не стоитъ. Потерпѣлъ-ли бы еврей, искренно вѣрующій въ Іегову, того, кто сталъ бы въ слухъ его относиться недостойно къ этому Св. Имени; или магометанинъ—того, кто въ слухъ его сталъ бы поносить Магомета, хотя Магометъ и не то, чѣмъ и кѣмъ его почитаютъ? А Толстой невозбранно поносить христіанскую вѣру и ея истинное святое и спасительное ученіе и ея святыхъ и животворящихъ таинствъ;—о, злодѣйство, достойное казни (ап. Іуд. 7—8)! Іудейскіе и римскіе законы казнили богохульниковъ и потому евреи кричали Пилату: «по закону нашему Христосъ долженъ умереть. Онъ Себе Сына Божія сотвори» (Іоан. 19, 7) (хотя Онъ и дѣйствительно Сынъ Божій), а Толстой предъ всѣмъ русскимъ народомъ и предъ всею христіанскою Европою хулитъ Христа, Который открылся Сыномъ Божиимъ въ силѣ, по духу Святости, отъ воскресенія изъ мертвыхъ; вѣровался въ мірѣ, оправдался въ духѣ, проповѣдался въ мірѣ, вознесся во славу (І Тимое. 3, 16).

«Устами твоими буду судить тебя, лукавый рабъ», говоритъ Господь въ Евангеліи (Лук. 19, 22), и я скажу, отрицаніями твоими отрину тебя, Левъ Толстой, и хулы твои обращаю на тебя.

* * *

Толстой извратилъ весь смыслъ христіанства, все понялъ наизнанку, ибо все можно лукавому уму и сердцу человѣческому извращать, называть свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; прекрасное безобразнымъ—и наоборотъ; по подобію древнихъ софистовъ, Толстой отвергаетъ весь Символь Вѣры, не вѣритъ ни въ Троицу, ни въ воплощеніе, ни въ чудеса Христовы, ни въ искупительныя страданія Его, ни въ воскресеніе, ни въ вознесеніе на небо, ни во второе пришествіе Христово, ни въ будущій судъ, ни въ Церковь, ни въ крещеніе, ни въ воскресеніе мертвыхъ, ни въ жизнь будущую. Хочетъ, чтобы люди не вѣрили Слову Божію, а вѣрили ему, самозванному учителю Толстому, или вѣрили одному человѣческому разуму, извращенному, помраченному, слѣпому, близорукому. Почему же вѣрить Толстому? Что онъ за авторитетъ! Кто знаетъ слѣпоту человѣческаго разума: какъ заблуждались люди до пришествія Христа на землю, какая была тьма невѣдѣнія истиннаго Бога, тьма идольская. Какоіъ свѣтъ разума возсіялъ съ пришествіемъ Христа на землю? Какоіъ свѣтъ въ Евангеліи!

* * *

Левъ Толстой клонитъ всѣ свои разсужденія богохульнія къ тому, чтобы убѣдить, хотя недалъновидныхъ и самомнительныхъ людей, что въ нашихъ познаніяхъ и изслѣдованіяхъ научныхъ всему голова—нашъ разумъ и мѣра его пониманія, и чего онъ не понимаетъ, хотя бы это былъ высочайшій и непостижимый предметъ нашей вѣры,—Господь Богъ,—того онъ и принимать не долженъ и въ то вѣрить не долженъ, какъ не подходящее подъ мѣрило разума, и что человѣкъ можетъ достигать совершенства безъ помощи Божіей (въ Бога онъ не вѣритъ), собственнымъ разумомъ. Но на себѣ самомъ Толстой показалъ, до чего можетъ дойти такой человѣкъ: онъ своимъ помраченнымъ отъ гордости и самомнѣнія разу-

момъ дошелъ до исцѣпныхъ и безсмысленныхъ положеній,—до невѣрія въ Бога Личнаго, Бога въ Троицѣ (Марк. 1, 10), въ сотвореніе міра изъ ничего, въ сотвореніе человѣка по образу и подобию Божію (Быт. 1, 27), въ первоначальную испытательную заповѣдь Творца или вступленіе Творца въ завѣтъ съ словесной тварью, разумно-свободною, нуждавшеюся въ завѣтѣ и соблюденіи его,—въ вольное паденіе человѣка и дерзновенное разрушеніе завѣта и своей цѣлости душевной и тѣлесной, своего міра и блаженнаго состоянія; въ необходимость искупленія Богочеловѣка, въ обѣтованія и пророчества о Немъ въ книгахъ закона Моисеева, въ пришествіе обѣщаннаго Спасителя, Его проповѣдь и все искупительное дѣло. Толстой дошелъ до отверженія абсолютныхъ необходимыхъ всеспасительныхъ истинъ, и погибнуть во вѣки. Это—урокъ всѣмъ, довѣряющимъ слишкомъ своему разуму и не довѣряющимъ свидѣтельству самой Истины, Самому Иисусу Христу, преподавшему намъ истинное ученіе о Троицѣ, сотвореніи міра и человѣка, объ искушеніи и паденіи, о необходимости покаянія, причащенія Св. Таинъ, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ и вѣчной мукѣ и царствіи небесномъ.

* * *

Не вѣрять Толстой поврежденію, растлѣнію человѣческаго рода и каждого человѣка въ самомъ корнѣ (Адама и Евы), во глубинѣ существа, что человѣкъ самъ по себѣ безъ помощи Божіей не можетъ успѣть ни въ какой добродѣтели, что всѣ усилія его въ этомъ родѣ безъ помощи Божіей—тщетны, «безъ Мене, сказано, не можете творити ничесоже» (Іоан. 15, 5)—а вѣрять, вопреки истинѣ и всегдѣшнему общему опыту, что человѣкъ самъ можетъ достигать совершенства, при помощи современной науки. Опасно, губительно заблуждается Толстой и вводитъ въ заблужденіе юношество и вообще неутвердившееся въ вѣрѣ человечество, отводя его отъ Церкви, у которой истинный разумъ Божій, ибо сказано—

«мы умъ Христовъ имамы» (1 Кор. 2, 16), и навязывая ему свою ложь и называя ее истиннымъ ученіемъ.

* * *

Въ сочиненіи Л. Толстого логическая ложь: ложно основаніе, ложны и слѣдствія. Ложно предложеніе, будто вселенскій символъ вѣры есть ложный (отъ Духа Истины происшедшій-то), что св. Троица не Троица, что Богъ не можетъ быть одинъ въ Троицѣ, ложно предложеніе, что Сынъ Божій не воплотился и не былъ Спасителемъ человѣческаго рода: не воплощенъ, не крестился, не страдалъ, не умиралъ, не воскресъ, не вознесся на небо, не придетъ судить, что не будетъ воскресенія, второго пришествія; ложно, что нѣтъ третяго лица—Духа Святаго что Церковь не истинна, а ложна и т. д.—всѣ эти предложенія ложны и всѣ выводы ложны; ложь, что догматы вѣры преподаются въ такомъ возрастѣ, въ которомъ дѣти не понимаютъ ничего, что напрасно учить ихъ будто бы безсмыслицѣ, будто бы сказкамъ, или будто бы напрасно простой народъ учить, ничего не понимающій, или къ которому некогда этимъ заниматься; ложно предложеніе, что Библія—сказка, Евангеліе—тоже, ложно предложеніе, что Богъ, страшно и выговорить, сердится (гнѣвается праведно—другое дѣло), что Онъ несправедливъ; ложны и послышки, будто не будетъ воздаянія, не будетъ вѣчной муки грѣшникамъ нераскаяннымъ. Ложно и то положеніе, что Церковь и духовенство проповѣдуютъ ложь, нелѣпость. Вотъ Толстой, дѣйствительно, проповѣдуетъ явную ложь и его слушать нельзя, ему вѣрить, какъ злонамѣренному лжецу,—пагубно. Онъ—преднамѣренный, злонамѣренный лжецъ и то, что онъ утверждаетъ о предметахъ вѣры нашей, все ложно.

* * *

У Толстого въ головѣ нѣтъ ни альфы ни омеги, ни разумнаго личнаго Творца, ни твари, ни грѣха, ни добродѣтели, ни паденія, ни возстанія человѣческаго, ни Спасителя, ни спасаемыхъ; никакой связи въ мірѣ и человѣ-

ческомъ родѣ, ни исторической, ни логической, ни предметной, истинный во всемъ хаосъ. Онъ не признаетъ священства, богооткровеннаго сказанія о началѣ міра и человѣка и жизни человѣческаго рода до потопа и послѣ потопа, не вѣритъ въ сказаніе о потопѣ и жизни людей послѣ потопа; не видитъ цѣли потопа, не признаетъ нравственнаго закона и Законодателя и Судии человѣческаго рода и cadaго человѣка въ отдѣльности; все онъ отвергаетъ, все считаетъ за сказку: связь Вѣтнаго Завѣтъ съ Новымъ и премудрыя, праведныя и всеблагія судьбы Божіи въ человѣческомъ родѣ,—постепенное приготовленіе людей къ принятію обѣщаннаго Мессіи—Спасителя чрезъ обѣтованія, пророчества и прообразованія,—пришествіе въ міръ обѣщаннаго Спасителя, Его безсѣмное рожденіе отъ Духа Св. и Дѣвы Маріи, словомъ, отвергаетъ Богочеловѣчество Христа и всѣ догматы христіанской вѣры. Съ такимъ невѣромъ, ослѣпившимъ себя добровольно, говоритъ серьезно ни о чемъ святомъ нельзя.

«Никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и ему же еще волитъ Сынъ открыть» (Мѣ. 11, 27),—читаемъ во св. Евангеліи. Безъ откровенія Божія падшій умъ человѣческій не можетъ познать таинство Святой Троицы. И Богъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца открываетъ эту тайну, насколько можно открыть это непостижимое естество. Толстому, по его гордости, лукавству и безвѣрію, не открыта эта тайна и онъ не вѣритъ ей и глумится надъ ней. Онъ, въ своей богохульной брошюрѣ, все дорогое, святое, праведное утѣшительное, спасительное, просвѣтительное,—все, чѣмъ живетъ, дышетъ, крѣпится душа христіанская, все отнимаетъ и самъ на мѣсто отнятаго ничего не даетъ, и оставляетъ душу въ хаосъ, пустотѣ, мрачѣ, въ состояніи безутѣшномъ и безпросвѣтномъ. Это вольное сумасшествіе; у него, Толстого, попираніе всѣхъ законовъ мышленія,—всякой истины и правды, у него сатанинская, полная безстыдства, хитросплетенная, насмѣшливая надъ нашей святыней ложь.